

Феномен Даниила Андреева

Роза Мира — яркий и загадочный образ. ореол некоторой таинственности окружает и автора книги с необычным названием — Даниила Андреева. Его поэтическое творчество тесно переплетено с «визионерскими» откровениями, а самобытная историсофская концепция вобрала в себя целую вселенную мифопоэтических образов, созданных истинным мастером слова. Трагическая судьба литератора и духовидца, пережившего мрачные годы сталинских репрессий, прошедшего Великую Отечественную войну, наконец, по ложному обвинению заключенного в страшную Владимирскую тюрьму, — звучит удивительным контрастом устремленному в будущее призыву Даниила Андреева: «Об отстранении угрозы великих войн; о путях к объединению мира без кровопролитий; о светоносце-праведнике, грядущем возглавить объединенное человечество; об ослаблении насилия государств и о возрастании духа братства — вот о чем молятся верующие и мечтают неверующие в наш век. И вероятно в высшей степени, что мирообъемлющее крылатое учение — и нравственное, и политическое, и философское, и религиозное — претворит эту жажду поколения во всенародный творческий энтузиазм» [1; с. 11].

Духовидец и философ другой эпохи, Владимир Соловьев — его концепция «всеединства» во многом близка идеям «Розы Мира» Даниила Андреева — предпринял одну из наиболее заметных в истории рационалистической философии попыток возродить традицию мистического познания: «В основе истинного знания лежит мистическое, или религиозное, восприятие, от которого только наше логическое мышление получает свою безусловную разумность, а наш опыт — значение безусловной реальности» [14; с. 589-590]. Даниил Андреев, сам одаренный тем, что он называл «раскрытие внутреннего зрения, слуха и глубинной памяти» [1; с. 43], пронес сквозь годы воинствующего материализма и атеизма искреннюю веру в Бога. Однако все то же «визионерство» обусловило полностью самостоятельное, неформальное прочтение мыслителем краеугольных догматов христианства: учения о миссии Христа, об Антихристе, о женственной ипостаси Троицы, — что и послужило причиной резкой критики с позиций официального православия уже в совсем другую эпоху: в России девяностых годов, когда «Роза Мира» была опубликована.

Долгий путь к читателям — еще один уникальный штрих к портрету Даниила Андреева как автора — и человека. Понимая несоответствие своих творческих исканий требованиям советской идеологии, Андреев работал над своими книгами без надежды на публикацию, даже без надежды на память потомков — лишь с верой в свое призвание. И действительно: на сороковом году жизни литератора постигла катастрофа — все раннее творчество было уничтожено при аресте, а роман «Странники ночи», посвященный религиозно-мистическим исканиям интеллигенции в реалистически воссозданной обстановке Москвы тридцатых годов, послужил основанием для обвинения в антисоветской пропаганде и подготовке покушения на Сталина. Автор книги, его жена, родственники и знакомые были осуждены на каторгу и тюрьму.

Позже Даниил Андреев отметит, что одно из самых страшных испытаний для художника — гибель его творений. Можно добавить: недостаток уважения к высшим достижениям человеческого духа — опасное испытание и для общества, и для культуры. Об уничтоженном романе «Странники ночи» упоминает мемуаристка: «До окончания оставалась одна глава, а объем его, по словам Дани, был равен “Братьям Карамазовым”». Пропажа этой вещи была для Дани наиболее тяжела. Он дорожил ею больше, чем всем остальным. Может быть потому, что это была его последняя и еще не совсем законченная работа, на которую он положил много времени и труда, тогда как стихотворные

произведения давались ему чрезвычайно легко, и многие из них он впоследствии восстановил по памяти. Роман же был абсолютно невозстановим...

Мне думается, что пропажа этого романа “Странники ночи” — наиболее горестная утрата в области литературы, поэзии и духа из всего того множества, что после 1917 года было уничтожено в нашей стране. Он был, видимо, последней, но самой яркой вспышкой литературы и поэзии романтизма и символизма. Но кроме того, этот роман был выпавшим ныне звеном в цепи русской прозы» [17; с. 434].

Памятником незримой, и оттого еще более ценной победы над мучительными жизненными испытаниями остались исполненные мужественного смирения строки:

Вечно то лишь, что нерукотворно.
Смерть — права, ликуя и губя:
Смерть есть долг несовершенной формы,
Не сумевшей выковать себя. [2]

Удивительным образом пережитые разочарования и лишения закалили дух поэта и способствовали расцвету творческих сил. «Как-то я ему заметил, что тюремное заключение, при всем своем трагизме, облагородило его личность до такой степени, до какой она не сумела бы подняться вне тюремных стен. Он ответил, что тюрьма, как правило, духовно обогащает и развивает людей, сидящих за убеждения, и привел в пример Джавахарлала Неру — его книгу “Открытие Индии” Андреев прочитал во Владимирском центральном» [19; с. 466]. Грандиозная апокалиптическая поэма «Железная мистерия», многоликий «поэтический ансамбль» (определение жанра, предложенное Даниилом Андреевым) «Русские боги», наконец — «метаисторический трактат» «Роза Мира», поражающий воображение картинами «космических панорам и перспектив», — созданы в тесной, многолюдной тюремной камере. Благословением на борьбу за духовную свободу звучит знаменитое ныне произведение:

Ты осужден. Молчи. Неумолимый рок
Тебя не первого привел в сырой острог.
Дверь замурована. Но под покровом тьмы
Нащупай лестницу — не ввысь, но вглубь тюрьмы.
Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут
На берег ветренный ступени приведут.
Там волны вольные, — отчал же! правь! спеши!
И кто найдет тебя в морях твоей души? [3]

В современных реалиях это стихотворение не только не утратило актуальности, но приобрело новые, глубинные смысловые измерения. Ведь тюрьма, о которой говорит духовидец, — это и темница несовершенного, смертного тела, отделяющая нас от вечности; и незримые оковы, которые человек сам надевает на свой дух, запутавшись в идеологических, социальных, конфессиональных условностях и конфликтах.

Стихи Даниила Андреева отличаются необычным, порой трудным для восприятия многообразием сложных ритмов и созвучий, в которых твердость и логика индустриальной эпохи соединилась с пластичностью образов и эзотерической глубиной Серебряного века, литургические мотивы русской духовной поэзии — с безыскусственной простотой «камерной», тепло-душевной лирики. Философско-мистическая основа произведений пестрит оригинальными персонажами авторской мифологии: в строгой абстрактно-теоретической структуре метафизики обитают причудливые имена и неологизмы — «брамфатура Шаданакар», «уицраор Жругр», «демиург Ярослав», «затомисы», «шрастры», «стихиахи»... Знакомство с наследием Даниила Андреева требует погружения в неповторимый авторский мир, в заданную «систему координат» — и, возможно, здесь кроется одна из причин, почему «феномен Даниила Андреева» стоит особняком в русской и

И, не зная ни успокоенья, ни постоянства,
Странной лексики обращающаяся праща
Разбрасает

доброезвучья
и диссонансы,

Непреклонною
диалектикой
скрежеща.

Не отринь же меня за бред и косноязычье,
Небывалое это Действо благослови,
Ты, Чьему

благосозиданию
и величью

Мы сыновствуем
во творчестве
и любви. [5; с. 10-11]

Не только своеобразной словесной формой — масштабом и смелостью идейного содержания отличается главный труд Даниила Андреева, одна из самых неожиданных и спорных книг XX столетия — «Роза Мира». В ней духовидец призывает обратиться к истоку общечеловеческого религиозного опыта, признать внутреннее, глубинное единство ныне известных мировых религий и подняться на новую ступень развития: к непосредственному ощущению духовного мира планеты, со всей сложностью исторических судеб и культурным своеобразием населяющих ее народов, как многомерного мистического цветка, «корни которого — в небе, а лепестковая чаша — здесь, в человечестве, на земле. Ее стебель — откровение, через него текут духовные соки, питающие и укрепляющие ее лепестки, — благоухающий хорал религий. Но, кроме лепестков, у нее есть сердцевина: это — ее собственное учение».

Даниил Андреев надеялся, что вслед за трагическими событиями XX века, за «опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании» последует расцвет высших творческих сил, что геополитическое «стремление ко всемирному» увенчается мистическим общением «народных душ», освобожденных из плена «демона государственности». По мысли Андреева, «историческому слою» в физическом мире соответствует особая «метаисторическая» реальность, населенная существами грандиозного, в сравнении с человеком, масштаба — как божественными, так и демоническими, ведущими между собой непримиримую борьбу. Их «инспирация» определяет облик национальных пантеонов и культур, особенности внешности и темперамента, государственность и «миссию» — неповторимый вклад народа в сокровищницу всемирной цивилизации будущего. Таким образом Даниил Андреев развивает характерные для русской религиозной философии начала XX века темы «метаистории», эсхатологии, духовной миссии русского народа. По «Розе Мира», именно в России, на протяжении веков хранящей идеал «Святой Руси», может быть впервые осуществлен принцип «этического контроля» над государством, преобладание подлинной духовности над идеологией, гуманистических ценностей — над проявлениями «великодержавной» гордыни и узаконенным политическим насилием.

Однако если «метаисторические» упования Даниила Андреева находятся, по существу, в русле «русской идеи», традиционных попыток определить самобытный путь русской культуры, объяснить постоянные неудачи страны в политической сфере, то религиозные идеи «Розы Мира» могут быть созвучны разве что личному душевному складу, интуитивному знанию верующих, но никак не принятому в текущий момент церковному канону.

Это относится, прежде всего, к идее божественно-женского начала, которую сам Андреев называет «решающим тезисом» всей книги. Общеизвестно, что ни Владимир Соловьев с идеалом Вечной Женственности, ни Сергей Булгаков со своей трактовкой софийности не нашли поддержки со стороны официальной религии, хотя многочисленные научные исследования указывают, что «традиционный» патриархальный культ не является ни единственным, ни древнейшим. Поскольку между женственностью и эротизмом «традиционно» ставится знак равенства — который не принято подвергать сомнению — Приснодева-Мать представляется, в отличие от Бога-Отца, излишне антропоморфным и эротичным образом. Между тем высшее предназначение русского народа и грядущее возрождение России Даниил Андреев связывал именно с проявлением духовно-женственного начала — Звенты-Свентаны, выразительницы женственной ипостаси Троицы, чье «рождение» в Небесной России будет сопоставимо с пришествием Христа и ознаменует собой небывалую историческую эпоху социальной гармонии и всемирного мистического единения — эпоху Розы Мира.

По мысли Даниила Андреева, историческое становление не есть явление сугубо земного порядка, оно — вместе с духом — устремлено в вечность и продолжается на небе так же, как на земле. Духовная реальность многообразна и подвержена изменениям, будущее не предопределено. Борьба светлого и темного начал обусловила, в частности, недовершенство миссии Христа: «Приобщение человечества Духовной Вселенной вместо догадок о ней при помощи спекулятивной философии и одиноких предчувствий; раскрытие в человеке органов духовного воспринимания; преодоление закона взаимной борьбы за существование; разгибание железного кольца Закона кармы; упразднение в человеческом обществе закона насилия и, следовательно, государств; превращение человечества в братство; преодоление закона смерти, замена смерти материальным преображением; возведение людей на ступень богочеловечества. О, Христос не должен был умирать — не только насильственной, но и естественной смертью» [1; с. 114].

Как расставить акценты в предложенной Даниилом Андреевым своеобразной трактовке Нового Завета? Стоит ли сводить проблему к богословским спорам? Не рискуем ли мы потерять из виду, что — по «Розе Мира» — завершение миссии Спасителя досталось в удел человечеству: именно перечисленные задачи и должны, по мысли автора, составить ближайшую историческую цель? И не подразумевает ли «Роза Мира» в таком случае истинно христианского стремления — уподобиться Христу?

В конце истории — еще одна тема, созвучная идеям Владимира Соловьева, на этот раз — позднему периоду его творчества, с мрачными предостережениями «Краткой повести об Антихристе» [16] — человечеству грозит пришествие Антихриста и вырождение в «дьяволочеловечество».

Смелое прочтение сложных богословских тем, оригинальная «история и география» духовной вселенной, элементы нехристианских учений — прежде всего, индуизма, представления которого о карме и перевоплощении были близки душевному складу мыслителя, — «феномен» предложенной Даниилом Андреевым картины мира настолько необычен для православной религиозно-философской традиции, что порой звучат обвинения в ереси. Неизбежность вполне предсказуемой критики автор сознавал и сам: «Антихрист! Введением этого понятия в круг настоящей концепции я отпугну больше читающих, чем, может быть, отпугнул всем рядом предшествующих глав. <...> Но если бы введением этого воскрешаемого понятия я отпугнул в десять раз больше человек, чем отпугну, — все равно понятие антихриста сюда введено, крепчайшими нитями со всей концепцией связано и не будет из нее устранено до тех пор, пока она сама существует» [1; с. 118], «Знаю, что излагаемое совершенство не совпадает с традициями христианской англелологии, несмотря на общность названий. Мне жаль, что это так. Но я пишу не от себя и не могу вносить изменений до тех пор, пока на это не укажет единственный Голос, которому я доверяю полностью» [1; с. 72], «Я встречал иногда людей, обладавших вот такой приоткрытостью глубинной памяти, но ни один из них не решался говорить об этом почти ни с кем <...> Но

так как решительно все, о чем я рассказываю в этой книге, имеет столь же бездоказательный источник, то я не вижу больше оснований молчать именно о прорывах глубинной памяти; надо было или не начинать книги совсем или, раз уже начав, говорить обо всем, вопреки боязни. К тому же меня укрепляет надежда на то, что читатели, не доверяющие мне, отсеялись уже после первых глав и следить дальше за моим изложением будут лишь люди, преднастроенные благожелательно» [1; с. 55]. Очевидно, цель этой одинокой «вести» — не соответствие канону, а передача уникального опыта со всей возможной искренностью и полнотой. Возможно, именно своей «неформальной» свежестью и новизной ценна «Роза Мира»? Стоит ли продолжать бесплодное сравнение с авторитетами прошлых веков? Не справедливее ли будет заметить, что благодаря смелости современного мистика христианская религиозная мысль получила возможность подняться на принципиально новую высоту?

Еще одна тема «Розы Мира», предполагающая разрушение привычных мировоззренческих норм, поиск новых перспектив, — природа мистического восприятия и познания вообще. Здесь ряды критиков книги, помимо защитников традиционного мистицизма, пополняются приверженцами секуляризованной науки. По-прежнему сомнительным, фантастичным представляется индивидуальный духовный опыт. Ссылка на «метаисторический и трансфизический метод» сделала наследие Даниила Андреева поистине «феноменом», неповторимым явлением в истории культуры. Дискуссии о доверии к чужим «визионерским» свидетельствам нередко отвлекают оппонентов от другой, гораздо более глубокой проблемы: возможность приобрести аналогичный опыт самим. Ведь именно превращение «сверхъестественных» способностей в «естественные» — та «методологическая база», которая — по «Розе Мира» — позволит расширить область религиозных переживаний до всемирных масштабов, не в теории, а на деле осуществить единение разных конфессий в высшей правде: «И сама жажда знания начнет менять свою направленность. Будут разработаны системы воспитания и раскрытия в человеческом существе потенциально заложенных в нем органов духовного зрения, духовного слуха, глубинной памяти, способности к произвольному отделению внутренних, иноматериальных структур человека от его физического тела. Начнутся странствия по иноматериальным мирам» [1; с. 19].

Для человека, чье восприятие ограничено кругом земных забот, единственная надежная цель, выдерживающая проверку временем бурных идеологических перемен, единственный «идеал», не подлежащий сомнению, — это личная выгода. Как здесь не вспомнить замечание Даниила Андреева о типичной черте «инфрафизических» чудовищ — «уицраоров», носителей тиранической тенденции, проявленной в исторических колоссах государств с их неукоснительной логикой «общей пользы», оправдывающей пренебрежение любым частным интересом: «Уицраор — внеэтичен. Это не значит, что он обладает иными, нечеловеческими этическими представлениями; это значит, что он вообще лишен возможности созерцать мир под этическим углом» [1; с. 138]. Действительно: возможна ли высшая, единящая, а не стравливающая души этика в атомизированном сообществе существ, тяжко борющихся за личные интересы? Можно ли говорить об откровении всемирной гармонии среди людей, откладывающих исследование духовной реальности в область «непостижимого»?

Но многих ли привлекает перспектива самостоятельного мистического поиска? Готовы ли мы включить развитие скрытых способностей сознания и восприятия в общепринятую систему ценностей? — Разбирая идеи «Розы Мира», мы в очередной раз сталкиваемся с парадоксом: в духовных вопросах человек по-прежнему предпочитает полагаться на чужой авторитет, будь то освященная традицией древняя книга или... сама «Роза Мира».

* * *

Один из исследователей считает характерной особенностью наследия Даниила Андреева «выпадение из исторического контекста» [11; с. 56]. «Когда думаешь о Данииле Андрееве, то первое, что поражает в его личности, — это потрясающее одиночество. Все попытки проследить некую генеалогию его творчества, найти каких-то учителей, предшественников обречены на провал», — пишет другой критик [10; с. 244]. Действительно, дарование Даниила Андреева не отвечало идеологическим запросам эпохи, и он не участвовал в современном ему литературном процессе. Однако жизненный и творческий путь писателя удивительным образом перекликается с размышлениями о миссии творческой интеллигенции, о социальном строительстве, звучавшими в начале XX века. В этом смысле «Роза Мира» не только продолжает традиции русского религиозно-философского Ренессанса, но и позволяет сделать шаг вперед, несет те новые идеи и решения, тот уникальный опыт, который лишь предугадывали такие знаменитые философы, как С. Булгаков или Н. Бердяев — авторы, которые так же, как Даниил Андреев, обращались к теме метаистории и духовного предназначения России.

В знаменитом сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи», вышедшем в 1909 году, в статье «Героизм и подвижничество», рассуждая о будущем русского общества и задачах творческой интеллигенции, С. Булгаков подчеркивал: «Я не могу не видеть самой основной особенности интеллигенции в ее отношении к религии <...> историческое будущее России также стягивается в решении вопроса, как самоопределится интеллигенция в отношении к религии, останется ли она в прежнем, мертвенном, состоянии или же в этой области нас ждет еще переворот, подлинная революция в умах и сердцах» [8; с. 62].

Однако вопрос, в чем же должно заключаться новое отношение к религии, остался, в сущности, невыясненным. В 1918 году, уже после революции, вновь звучат лишь самые абстрактные выводы: «и сейчас, когда революционный вихрь рассеял и разметал в стороны державу российскую, когда он отдал ее в чужие руки, только пробуждение религиозного сознания и национально-государственного чувства может возродить Россию» [12; с. 132]. Схожие идеи в той или иной форме повторяются и сейчас, спустя век, в совершенно других исторических условиях — а вопрос остается без ответа.

Официозная триада «Православие, Самодержавие, Народность», к которой восходят и современные поиски «национальной идеи», никогда не отвечала истинным духовным запросам общества. «Крушение западных идеалов заставляет монархию Николая I ощупью искать исторической почвы. Немецко-бюрократическая по своей природе, власть впервые чеканит формулу реакционного народничества: “православие, самодержавие и народность”. Но дух, который вкладывается в эту формулу, менее всего народен. Православие в виде отмеренного компромисса между католичеством и протестантством, в полном неведении мистической традиции восточного христианства; самодержавие, понятое, как европейский абсолютизм, народность, как этнография <...> не вполне обрусевший немец на русской государственной службе, имя которому легион, именно так только и мог понимать Россию и ее национальную традицию». [18; с. 84]. В XX веке противоречивые отношения интеллигенции с властью нередко становились предметом критики и негативных оценок. Так, выдающийся философ Н. Бердяев писал: «Русская интеллигенция в огромной массе своей никогда не создала себе имманентное государство, Церковь, отечество, высшую духовную жизнь. Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызвали в ней враждебное чувство — как что-то чуждое и насилующее. Никогда русская интеллигенция не переживала истории и исторической судьбы как имманентной себе, как своего собственного дела и потому вела процесс против истории как против совершающегося над ней насилия» [7; с. 285]. Но действительно ли для подобного противоречия не было оснований?

Трагический дуализм исторического и социального бытия — одна из важнейших философских проблем. Именно этой теме посвятил свой труд Даниил Андреев. Его идея разнонаправленных «метаисторических» сил, надстоящих над гигантским организмом государства, поднимает традиционную картину мира на новый уровень, ведет к новому,

более объемному и целостному пониманию истории, религии, общества. Духовидцу, прошедшему через страшные катаклизмы XX века, действительно удалось заложить основы миропонимания общечеловеческого масштаба, охватить духовным взором путь народов и цивилизаций в их единстве, предвосхитив таким образом запросы глобального общества XXI века.

Ключевой политико-философский вывод «Розы Мира» — двойственность, противоречивость тенденций, заложенных в самой сущности государства и отраженных в мифопоэтическом сюжете о борьбе «демиурга» народа с «демоном великодержавной государственности» за освобождение «народной души». С одной стороны, политический колосс-«левиафан» с его военно-экономической мощью необходим для физического выживания народа, для защиты от внешних врагов, — и таким образом он служит божественному промыслу, воле «демиурга». С другой стороны — прагматизм, агрессия, жестокость, демоническая гордыня, возвращаемая этим «метаисторическим» монстром в подвластных ему душах, закрепощает светлое веяние «Соборной души» народа — духовно-женственного начала, без которого не может быть подлинной гармонии и внутреннего согласия в обществе.

Однако, по мысли Даниила Андреева, так было не всегда. Общество может и должно развиваться под руководством только лишь «светлой диады», воссоединенной в мистическом браке, без вмешательства тиранической демонической воли. От неустойчивого единства в рамках узаконенного политического насилия человечество способно перейти к внутреннему единению в духовной любви, созидательной воле и красоте. С «внеэтичной» тиранической тенденцией социального развития необходимо решительно бороться; смягчение нравов и гуманистические, демократические силы — поддерживать и оберегать. Чтобы участвовать в работе по «высветлению» исторического пути, не обязательно выходить с протестом на площадь или занимать высокий пост. «Метаисторические» силы говорят с человеком массы «голосами бессознательного» — поэтому главное, что надлежит сделать, — это «высветлить» собственный внутренний мир.

По С. Булгакову, «Верное исполнение своего долга, несение каждым своего креста, отвергнувшись себя (т. е. не во внешнем только смысле, но и еще более во внутреннем), с предоставлением всего остального Промыслу, — вот черты истинного подвижничества. В монастырском обиходе есть прекрасное выражение для этой религиозно-практической идеи: послушание. Так называется всякое занятие, назначаемое иноку, все равно, будет ли это ученый труд или самая грубая физическая работа, раз оно исполняется во имя религиозного долга. Это понятие может быть распространено и за пределы монастыря и применено ко всякой работе, какова бы она ни была. Врач и инженер, профессор и политический деятель, фабрикант и его рабочий одинаково при исполнении своих обязанностей могут руководствоваться не своим личным интересом, духовным или материальным — все равно, но совестью, велениями долга, нести послушание» [8; с. 59]. Трактовка духовных оснований политики, предложенная Даниилом Андреевым, значительно расширяет историософию «религиозно-философского Ренессанса». В «Розе Мира» мы находим гибкое и убедительное понимание природы государства и роли личности в масштабных социокультурных процессах, свободное как от мрачного фатализма, так и от попыток идеализировать политическую реальность. В то же время собственный жизненный путь Даниила Андреева можно с уверенностью назвать примером незримого, духовного труда и подлинно христианского служения избранному делу.

Находясь в изоляции от социальной и культурной жизни общества, Даниил Андреев сумел осознать свою личность и жизненную задачу на фоне мировой истории, нашел в себе силы сопереживать «высшему должествованию» других народов, научился отделять сокровенные чаяния «народной души» от агрессивной гордыни «демона государственности». Не признанный и не оцененный современниками талант, он духовно включился в целый космос судеб, говоря о посмертном творчестве великих мастеров среди просветленных душ — в «затомисах» стран, о «метапрообразах» наиболее значительных и глубоких образов в

искусстве, о миссиях великих исторических деятелей — «родомыслов», о движении народных масс, продиктованном «инспирацией» метаисторических сил из «трансфизической выси» и глубин «инфракосмоса». Взор духовидца различает за монолитной громадой политического механизма «инспирацию» совершенно разных «метаисторических» сил: расчетливое укрепление военно-экономической мощи («уицраор») внезапно взрывается стихией народного бунта и разрушения («велга»); соперничают между собой то аморфные, то амбициозные, то свирепые «эгрегоры» корпораций, общественных движений, церквей; смутно бродят страстные токи «кароссы» — «ваятельницы народной плоти», смешиваясь в сознании людей с небесно-женственным зовом «Соборной души»; прорывается сквозь грохот «железной мистерии» светлая воля небесного покровителя — «демиурга»...

Не испытывает ли и современный человек, запертый в клетке привычных представлений о мире, порой желая вырваться из тесных оков духовного невежества, страха перед враждебным внешним миром, встретить стихию природы и истории на равных, в единении с Богом творить мир, в котором хочется жить? И обязательно ли для этого искусственными способами углубляться в мистицизм? Или вполне достаточно принять в свой простой, обычный день те идеи, которые, по сути, роднят «Розу Мира» с великими учениями древности: о духовной природе всего сущего, о значении, которое имеет незримый, нравственный выбор человека для его земной жизни, о пути «мирской праведности»? Идеал «Розы Мира» — всего лишь примирение верующих, которые несут свой повседневный труд как служение, руководствуясь глубинным ощущением единой высшей правды, чувствуя себя частью общечеловеческого духовного мира.

* * *

С точки зрения современного читателя, недоумение вызывает сам жанр «Розы Мира»: что перед нами? Ничем не подтвержденные, никем не проверенные фантазии? Претензии на высшую религиозную истину? Философствование, лишенное непрременной академической системы логических обоснований и выводов, хотя бы видимости «объективного» теоретизирования?

Однако неслучайно Даниила Андреева называют «русским Данте». Если обратиться вглубь веков, к истории средневековой литературы — «Роза Мира» уже не кажется экзотической. Жанр «видений», помимо «Божественной комедии» Данте — произведения, признанного католической церковью, — знаменит и другими, не менее достойными примерами. Так, в исламе существует целая литературная традиция, посвященная «мирадж», то есть восхождению, пророка Мухаммеда от Иерусалима к Божьему Престолу. «Видения» характерны для ветхозаветного контекста и авторов-гностиков. Наибольшего расцвета жанр достиг в латинской духовной поэзии, тесно связанной с канонической и апокрифической христианской литературой. Исследования подтверждают, что соответствующие мистические традиции зародились в разных религиозных контекстах независимо друг от друга, но при этом основные черты жанра совпадают во всех культурах [9].

Выдающийся русский филолог-медиевист Б.И. Ярхо в книге «Средневековые латинские видения» [20] выделил ряд типичных признаков жанра. Видения обычно посвящены описанию картин загробного мира и потусторонних явлений; присутствует эсхатологическая проблематика. В контекст «вечных» тем могут вплетаться и злободневные, в частности, социально-политические рассуждения. Повествование ведется от лица «ясновидца», которому высшие силы открывают некие истины; сюжет имеет назидательную направленность. Также упоминаются психофизиологические явления, послужившие основой видения (летаргия, галлюцинации, сновидение). События совершаются в неземной, духовной реальности и символически претворяются повествователем-визионером в чувственные образы.

В XV-XVIII веках «видения» были популярны и на Руси. Традиционно сюжет начинался с молитвы, за которой следовало измененное психофизиологическое состояние,

сопровождаясь видениями, и общение с потусторонней силой, разъяснявшей смысл «откровений» [14]. Определяя основное содержание древнерусских видений, автор монографии, посвященной видениям в русской книжности XV-XX веков, А.В. Пигин разделяет «малую эсхатологию», то есть учение о посмертной судьбе человеческой души, и «большую эсхатологию» — учение о конце света. Исследователь приводит ряд текстов, указывающих, что «видения» сохранились в русской литературе вплоть до XX века [13]. Жанр заметно повлиял и на светскую литературу XIX-XX веков; мотив потустороннего путешествия — не редкость в произведениях классиков: А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.А. Булгакова, поэтов-символистов.

Рассматривая идеи Даниила Андреева в широком историко-культурном контексте, мы убеждаемся, что «визионерские» мотивы «Розы Мира» уходят корнями в многовековую традицию христианской мистической литературы. Начиная с эпохи Просвещения, в западном мире авторитет церкви неуклонно снижался, а вместе с ним сократился интерес к духовному чтению. В России аналогичный процесс начался в эпоху петровских реформ; в XX веке на смену научному атеизму пришел идейный вакуум постсоветского периода. На этом фоне «Роза Мира», автор которой пытается передать собственное понимание духовной вселенной, может показаться чем-то необычным. Но «видения», с их специфической «метагеографией» — картинами потустороннего мира, с описанием измененных психофизиологических состояний, с «откровениями» потусторонних существ на темы нравственности, философии, эсхатологии — считались вполне обычным явлением в те эпохи, когда вопросу о посмертной судьбе души и смысле истории придавалось решающее значение.

* * *

Умер поэт-духовидец. Прошла эпоха тревожных предчувствий, век, отягощенный «двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией» [1; с. 7]. Наследие Даниила Андреева было опубликовано усилиями его вдовы Аллы Александровны десятилетия спустя после смерти автора. И трудный жизненный путь, и необычный дар ушли в прошлое. Феномен Даниила Андреева сейчас — труд его жизни, «Роза Мира» — весть, предназначенная потомкам.

Современный читатель живет в противоречивую и беспокойную эпоху. Автор «Розы Мира» предвидел множество духовных дилемм, ожидающих человечество, допускал даже, что идеологические и социальные противоречия окажутся слишком сильны и погубят ростки нового мировоззрения. Неопределенность сохраняется и по сей день.

И все же творчество Даниила Андреева дорого его поклонникам еще и потому, что проникнуто надеждой. «Роза Мира» побуждает к действию, к духовному поиску, внушает уважение к незримому труду, очерчивает неприкосновенное место личности в исторической мистерии: место, где развиваются внутренние силы души. Социально-политические проекты просветленного «народоустройства» кажутся не такими уж утопичными, если вспомнить, что, по мысли Даниила Андреева, только глубинные перемены на уровне массового сознания станут прочным фундаментом видимых перемен: «Голос звучит, откуда не ждали: из глубины повседневности, из безвестных квартир в гуще больших городов, из тюремных камер, из одиноких полных комнат, из лесной глуши. Его глашатаи не рукоположены священниками Запада или Востока. И ни у православных патриархов, ни у римского первосвященника, ни у теологов протестантских церквей не получило признания то, что они говорят. Но будет день, и ими возвещенное станет тем средоточием, у которого сойдутся и теологи, и патриархи, и первосвященники всех религий и, забывая о древних разногласиях, скажут: Да» [1; с. 255].

Духовидец полагал, что человечество уже набрало достаточный потенциал для исторического прорыва: «Но рубеж XX века как раз и явился той эпохой, когда закончился расцвет великих литератур и искусств, великой музыки и философии. Область социально-

политического действия вовлекает в себя — и чем дальше, тем определенной — не наиболее духовных представителей человеческого рода, а как раз наименее духовных. Образовался гигантский вакуум духовности, не существовавший еще пятьдесят лет назад, и гипертрофированная наука бессильна его заполнить. Если позволительно подобрать такое выражение, колоссальные ресурсы человеческой гениальности не расходуются никуда. Это и есть то лоно творческих сил, в котором зреет предопределенная к рождению всечеловеческая интеррелигия» [1; с. 11-12]. Он полагал, что внутренняя работа, совершенная им, не столь уж беспрецедентна, что непосредственное постижение духовной реальности доступно и для других: «Я убежден, что не только в России, но и во многих других краях Земли — в первую очередь, кажется, в Индии и Америке, происходит тот же процесс: та же грандиозная потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала — сознание единиц, потом сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов. Да, теперь, сейчас, вот в эту самую минуту, люди, еще ничего не знающие друг о друге, иногда разделенные огромными пространствами и рубежами государств, иногда — лишь стенами нескольких домов, переживают потрясающие прорывы сознания, созерцают трансфизическую высь и трансфизическую глубь, и некоторые силятся — каждый сообразно личным способностям и складу души — выразить или хотя приблизительно отобразить этот опыт в творениях слова, кисти и музыки. Не знаю сколько, но, по-видимому, уже немало людей стоят в этом потоке откровения. И моя задача — выразить его так, как переживаю его именно я, — и только» [1; с. 30].

Однако действительно ли современный человек готов по-новому ощутить мир и свое место в этом мире? Заботы о материальном благополучии, «успехе», отнимающие почти все время, порождающие соперничество и вражду, подогреваемые масс-культурой, — то, о чем и не вспоминал автор «Розы Мира», неприметно совершая свой подвижнический труд. Сохранилось письмо Даниила Андреева жене из тюрьмы — строки, проникнутые совершенно чуждым современному обществу аскетическим, жертвенным духом: «Для меня <...> вовсе не всякие формы жизни имеют безусловную ценность и смысл. А только те, кот<орые> дают возможность прямо или косвенно работать в пользу того, что я считаю своим долгом, делом, смыслом, оправданием <...> Если же наступит длительный период, когда все будет заслонено и придавлено борьбой за существование, я не смогу смотреть на это иначе, как на потерянные годы: потерянные, правда, ради того, чтобы довлечиться до других, но абсолютно никакой автономной ценности для меня не имеющие <...> К тому же для меня совершенно неприемлемо представление о такой форме существования, где мне пришлось бы лгать перед самим собой или перед другими. Этого одного достаточно, чтобы я предпочел остаться там, где нахожусь (если бы это от меня зависело) еще ряд лет. Здесь я могу не лгать себе ни единым словом, ни единым движением. Здесь я могу не презирать себя. Я могу, хотя бы отчасти, делать то, для чего вообще живу. В борьбе же за прозябание я утрачу все это, хотя и приобрету такую великую радость, как жизнь с тобой» [6; с. 91-92]. Борьба с собой за бескорыстие, веру в свое предназначение — возможно, и есть главная трудность на пути к подлинному, а не мнимому прогрессу? Спокойный, чистосердечный тон, с которым человек-творец несет в мир лучшее, что создал, — не в этом ли очередной урок, «феномен» Даниила Андреева?

Общество, в котором мы живем, построено в форме «пирамиды», а отнюдь не «розы»... Ряд направлений, по которым требуется первоочередная социальная и просветительская работа, намечен в «Розе Мира»: «понижение преград между различными, исторически сложившимися типами религиозности; усиление в душе людей идей и чувств, направленных на борьбу с тиранией, на преодоление мировой раздробленности, на соединение всех; углубление чувства социального сострадания, жажды социальной справедливости и сознания всеобщих социальных прав; раскрытие в человеке тех потенций разума и рассудка, которые будут способствовать стремительному прогрессу науки и техники; разоблачение агрессивной и вампирической сущности государства; снятие в сознании множества людей антагонизма между духовно-аскетической и “языческой”

тенденциями и развитие синтетического отношения к Природе; активизация в исторической деятельности проявлений Вечно Женственного начала» [1; с. 180].

Список, составленный в середине прошлого века, звучит по-прежнему актуально, но и по-прежнему революционно. С позиции догматизма — неважно, продиктован он «логикой», каким-либо религиозным каноном или просто «привычной» картиной мира, — красота и целостность «Розы Мира» распадаются на ряд «спорных вопросов», сомнений и возражений. Учение о стихиях подозрительно напоминает языческий пантеизм; идея божественной женственности представляется иным кощунством; спорам вокруг личности Христа — какой она предстает со страниц Евангелий, об авторстве и переводах Библии, апокрифах, решениях Вселенских Соборов и политическом значении христианства — не предвидится конца. Чему же верить? Вообще, могут ли догмы исчерпать все многообразие жизненного и духовного опыта человека? И где найти собственный компас для исследования еще не открытых пространств духовного мира?

А каких принципов придерживался сам автор «спорной» книги, посылая из безысходного прошлого свою одинокую весть в более свободные, овеянные надеждой, полные сил времена?

«Творчество, таким образом, оказывается и правом, и должествованием. Я до сих пор не могу понять, каким образом эта воистину божественная способность человека не встретила должного отношения к себе <...> Под влиянием односторонне понятой семитической идеи о том, что после шести дней творения наступило упокоение Божественного творческого духа, даже вопрос о дальнейшем творчестве Самого Бога богословская мысль предпочитала обходить стороной, и речение Божества, запечатленное в Откровении Иоанна — “Се, творю все новое”, — осталось единичным взлетом, единичным прозрением» [1; с. 20]. «У Бога всеобъемлющая любовь и неиссякающее творчество слиты в одно. Все живое, и человек в том числе, приближается к Богу через три божественных свойства, врожденных ему: свободу, любовь и богосотворчество <...> Именно три слова — свобода, любовь и Богосотворчество — определяют отношение Розы Мира к искусству, науке, воспитанию, браку, семье, природе и даже к таким, всеми религиями пренебрегавшимся элементам жизни, как ее благоустройство и благолепие» [1; с. 50].

Этот простой, безыскусственный призыв — избрать путь свободы, любви и творчества — казалось бы, вовсе не нов. Однако сколько сомнений, «житейских попечений» и враждебных чувств из века в век заглушают бесхитростный голос — быть может, истинный голос Бога в душе каждого из нас. Возможно, феномен Даниила Андреева — талантливого поэта и самобытного философа, именем которого Россия сейчас по праву гордится, — состоял прежде всего в том, чтобы следовать по этому чистому, в чем-то по-детски наивному пути. Сможем ли и мы?

Литература:

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. М., 1992.
2. Андреев Д.Л. «Милый друг мой, не жалею о старом...» // Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.]. Т. 3, кн. I. М., 1996. С. 596.
3. Андреев Д.Л. «Ты осужден. Молчи. Неумолимый рок...» // Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.]. Т. 1. М., 1993. С. 86.
4. Андреев Д.Л. Гипер-пэон // Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.]. Т. 1. М., 1993. С. 82-83.
5. Андреев Д.Л. Железная мистерия // Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.]. Т. 3, кн. I. М., 1996.
6. Андреев Д.Л. Переписка с А.А. Андреевой. 1955 г., 14 января // Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.]. Т. 3, кн. II. М., 1997.
7. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
8. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991.

9. *Грибанов А. Б.* Заметки о жанре видений на Западе и на Востоке // *Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации.* — М., 1989. — Вып. 4.
10. *Джимбинов С.Б.* Даниил Андреев и современность // *Даниил Андреев: pro et contra.* СПб., 2010.
11. *Кондаков И.В.* Мир «Розы» Даниила Андреева: между модернизмом и постмодернизмом // *Даниил Андреев: pro et contra.* СПб., 2010.
12. *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции // *Вехи. Из глубины.* М., 1991.
13. *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. — СПб., 2006.
14. *Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // *Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина.* — М., 1964. — Т. 231: Вопросы стиля художественной литературы.
15. *Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал // *Соловьев В.С. Соч.: В 2 т.* М., 1990. Т. 1.
16. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Великий спор и христианская политика. М., 2011.
17. *Усова И.В.* Даниил Леонидович Андреев в моей жизни // *Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.].* Т. 3, кн. II. М., 1997.
18. *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // *Федотов Г.П. Судьба и грехи России.* Т. 1.
19. *Чуков Б.В.* Из воспоминаний о Д.Л. Андрееве // *Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.].* Т. 3, кн. II. М., 1997.
20. *Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // *Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации.* — М., 1989. — Вып. 4.